

АРТЕФАКТ

&

ДЕТЕКТИВ

Перстень
с секретом
достался царю
Ивану Грозному
от византийской
бабки...

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

Перстень Ивана Грозного

Артефакт & Детектив

Наталья Александрова

Перстень Ивана Грозного

«ЭКСМО»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Перстень Ивана Грозного / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
— (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-093829-2

Иван Грозный в детстве обнаружил перстень из тусклого темного металла с изображением лица страшного узкоглазого старика. Надев находку на палец, царь предопределил свою судьбу – перстень оказался с секретом... Лика нашла на улице старинный перстень с печаткой. И вскоре познакомилась с чудесным молодым человеком, который разительно отличался от ее нынешнего окружения: нелюбимого мужа, его нахального младшего брата и властной свекрови. Но сказка превратилась в кошмар, и только древнее украшение может спасти Лику от падения в бездну...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093829-2

© Александрова Н. Н.
© Эксмо

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

34

Наталья Николаевна Александрова

Перстень Ивана Грозного

© Александрова Н. Н., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Елена перевела дыхание, открыла глаза, улыбнулась.

Глеб смотрел на нее с нежностью, по его щеке сползала капелька пота. Откатившись в сторону, он положил руку на ее живот и проговорил тихим, удивленным голосом:

– Как хорошо! Мне кажется, никогда еще не было так хорошо!

– Это потому, что мы свободны, – отозвалась Елена уверенно. – Это потому, что у нас впереди еще целая неделя счастья. Это потому, что он нас здесь не найдет.

– Да что ты так его боишься? Ты взрослая, свободная женщина... как он сумел так тебя запугать?

– Ты не знаешь, он страшный человек... он способен на все...

– Ты преувеличиваешь! – Глеб усмехнулся, махнул рукой. – И вообще, забудь о нем, в конце концов. Хочешь пить?

– Ужасно!

Он сбросил одеяло, поднялся.

Елена с удовольствием разглядывала подтянутую, сухопарую фигуру возлюбленного.

Глеб подошел к холодильнику, достал банку пива, наполнил два стакана, сел на край кровати. Один стакан бережно подал ей, другой поднес к губам.

– За нас! – проговорила Елена, прежде чем сделать первый глоток. – За нас... и за этот чудный пансионат!

– За нас! – как эхо, повторил Глеб и одним глотком осушил полстакана.

– Немного горчит – тебе не показалось?

– Показалось! – Он по-своему понял ее слова, улыбнулся и припал к губам Елены, как припадает к роднику измученный жаждой путник.

На какое-то время она забыла все на свете – но потом ее отвлекло какое-то движение на краю сознания.

И еще... ей просто стало тяжело дышать.

– Обожди... – проговорила она, оторвавшись от губ возлюбленного. – Дай вдохнуть...

Глеб оторвался от ее губ – но дышать все еще было тяжело.

Что это с ней?

И что за движение она заметила?

Елена перевела взгляд на задернутое шторой окно.

Штора снова чуть заметно колыхнулась.

Ну да, это просто сквозняк...

Дышать все еще было тяжело, к тому же сердце стало биться как-то медленно и неровно.

Что это с ней? Прежде ничего подобного не бывало...

Неужели это от любви? От занятий любовью?

Она взглянула на Глеба – и увидела, что он побледнел, и в глазах его проступило удивление, граничащее с испугом.

– Что... с тобой? – спросила она, с трудом шевеля языком. – Что... с нами?

Глеб не ответил.

Он упал рядом с ней на кровать, дыша тяжело и хрипло.

И тут занавеска снова шевельнулась – и из-за нее вышел человек.

Тот самый человек, которого она так боялась. А она-то рассчитывала, что он не найдет их здесь!

– Что... что ты сделал с нами? – проговорила она едва слышно, с трудом шевеля губами.

– А ты как думаешь? – Он смотрел на нее пристально, с любопытством, как ученый на какое-то редкое насекомое. – Ты думала, что сможешь вот так просто уйти от меня?

– Это пиво... – догадалась она. – У него был такой странный, непривычный вкус...

– Верно, я добавил в него один редкий растительный алкалоид... говорят, смерть наступает в течение трех-четырёх минут. Две из них уже прошли.

Кровать рядом скрипнула.

Елена скосила глаза и увидела, что Глеб пытается подняться.

Он оперся на локоть, привстал, сделал еще одно усилие, лицо исказилось от напряжения, но он все же поднялся на ноги – но тут же ноги под ним подогнулись, и он упал на ковер.

– Хорошая попытка! – насмешливо проговорил страшный человек. – Bravo!

– Тебя поймают... – выдохнула Елена.

– Да что ты такое говоришь! – Он усмехнулся. – Во-первых, этот алкалоид практически невозможно обнаружить. Через час после смерти он бесследно растворяется в крови. Во-вторых – меня здесь, само собой, не было. Я сейчас далеко отсюда, очень далеко...

– За... зачем ты это сделал?

– А как ты думаешь? – Глаза его стали холодными и злыми. – Ты что же, думала, что можешь безнаказанно уйти от меня? Можешь уйти, не расплатившись по счетам? За все в этой жизни нужно платить! А кроме того... – Он улыбнулся одними губами. – Кроме того, мне хотелось проверить этот яд. Хотелось убедиться, что он действительно так хорош, как о нем говорят.

– Зачем... ты... сделал... это с Глебом? – проговорила Елена. Каждое слово было тяжелым, как каменный блок. – Неужели... тебе... недостаточно... меня?

– Он покусился на то, что принадлежит мне! – прошипел он в ответ, склонившись над Еленой. – Это не прощается!

Елена попыталась закричать, попыталась позвать на помощь – но голос больше не слушался ее.

К тому же звать на помощь было бесполезно – их номер, как все номера этого пансионата, занимал отдельный домик. Это и привлекло их с Глебом – они никого не хотели видеть, ни с кем не хотели общаться, только друг с другом. Этот пансионат и был создан для таких, как они, для тех, кто искал уединения.

Елена не могла пошевелить ни рукой, ни ногой и только безвольно, отстраненно, как будто со стороны, наблюдала за тем, как этот страшный человек одевает ее, словно куклу. Одевает с тщательной, извращенной аккуратностью. Затем он взвалил ее на плечо, вынес из домика, поднес к машине Глеба, стоявшей возле порога, усадил на пассажирское место. Оставив ее там, снова ушел в домик.

Елена все еще была жива. Она поняла, что задумал тот человек, и попыталась пошевелиться, выбраться из машины – но тело не слушалось ее, оно стало чужим и беспомощным.

Он снова вышел из домика, теперь на плече у него было безвольное, обвисшее тело Глеба. Он нес его легко, как тряпичную куклу. Усадив Глеба на водительское место, брезгливо перегнулся через него, включил зажигание, снял машину с ручного тормоза и сильно толкнул вперед по дорожке.

Елена попыталась повернуть голову, чтобы в последний раз увидеть возлюбленного – но из этого ничего не вышло. Тело не слушалось ее, как чужое.

Машина покатила вперед, подсакивая на ухабах и постепенно набирая скорость.

Подъездная дорожка шла под уклон, и машина катилась по ней быстрее и быстрее.

Елена все еще была жива. Широко раскрытыми от ужаса глазами она видела, как мимо проносятся кусты шиповника в темных высохших ягодах, золотистые стволы сосен... впереди был поворот дороги, который уходил к главному зданию пансионата, но машина ехала прямо, к обрыву, огороженному низеньким символическим заборчиком...

Удар – и машина, проломив ограждение, выкатилась на край обрыва, на мгновение зависла на самом краю, словно раздумывая.

Впереди был глубокий овраг с крутым склоном, на дне которого виднелись огромные валуны, в незапамятные времена оставленные ледником.

Машина перевалилась через кромку оврага и устремилась вниз, разгоняясь и подпрыгивая на ухабах.

«Быстрее, быстрее, быстрее... скорее бы уже это кончилось», – успела подумать Елена – и тут все кончилось, кончилось страшным ударом и ослепительной вспышкой, после которой наступила бесконечная, бездонная темнота.

Жарко в горнице. Печь изразцовая накалена, чуть не светится. Жарко в горнице, томно. На высокой кровати мечется молодая женщина, пот стекает по лицу. Лицо красно, измучено. Рожает.

Рядом стоят мамки да прислужницы, шепчут, крестятся.

– Ну, еще потерпи, милая!

– Мочи нет...

– Потерпи, болезная... вот мы тебе сейчас поясок освященный повяжем, он непременно поможет!

В дверях показался высокий старый человек. Лицо властное, гордое – еще бы, сам великий князь Василий Иванович!

Властное лицо от боли перекошено, от страха за молодую любимую жену. Сил нет глядеть, как она мучается.

– Выйди, батюшка! – просит его мамка Ефросинья. – Негоже тебе здесь быть!

Повернулся, вышел... тяжело идет по кремлевским покоем, словно тяжкий груз несет.

И вдруг позади, за спиной крик раздался. Не женский крик – младенческий. Просветлело лицо князя, повернулся, поспешил назад, дитя свое увидеть. Вошел в горницу – а Ефросинья уже тянет к нему руки, а в руках – дитяtko. Лицо красно, сморщено, никакой лепоты, но таковы все новорожденные.

– Мальчик! – радостно говорит Ефросинья.

– Слава тебе, Господи!

От сына перевел взгляд великий князь на жену, на Олену.

Лицо бледное, истомленное, но в глазах светится радость. Радость и гордость.

Еще бы – родила она наследника великому князю, родила будущего государя.

И тут за окном словно день среди ночи вспыхнул – молния полыхнула вполнеба, озарила все окрест. И тут же загрохотало, загремело, словно целый воз железного товару опрокинулся перед великокняжеской палатой. Чисто было небо – и из чистого неба гроза разразилась...

Закрестились няньки, запричитали: «Не к добру это! Как ни говори – недобрая примета!»

Капитан Петр Лебедин высунул голову из туалета и опасно оглядел коридор. Служебный коридор был пуст, только где-то слышался начальственный голос, распекавший кого-то.

Услышав этот голос, капитан отчего-то вздохнул, затем еще раз оглянулся и отважился выйти. Мелкими шагами, стараясь ступать как можно тише, он пересек коридор и буквально по стеночке двинулся дальше, поминутно вздрагивая и оглядываясь по сторонам. Скрипнула

дверь в конце коридора, капитан тут же прыгнул испуганным зайцем в нишу первой же попавшейся двери и затаился. Кто-то вышел и направился в противоположную сторону. Лебедкин перевел дух, выпрямился и зашагал по коридору, печатая шаг.

Идти было недалеко, вот он, его кабинет. Вдали показалась женская фигура, и капитан тут же рванул на себя дверь, захлопнул ее за собой и только тогда перевел дух.

– Так жить нельзя! – прошипел он, запирая дверь на ключ. – Это не жизнь, а каторга какая-то.

– Что, опять она? – сочувственно спросила его напарница Дуся.

– Она. – Лебедкин рухнул на стул и вытер пот со лба. – Ну сил моих больше нет!

– Выпей водички! – Дуся встала и подала ему с подоконника бутылку минералки.

В кабинете тотчас стало тесно, как в купе поезда, ибо Дуся Самохвалова была женщиной внушительных габаритов. «Сто килограммов женской красоты», как она сама себя называла. Сто не сто, но девяносто пять там точно было. У Дуси всего было много – глаза, как круглые блюдца, рот до ушей, волосы буйно вились, не поддаваясь никакому гребешку, голос громкий.

В общем, всего было много, но ничего лишнего, потому что от Дуси исходило такое обаяние, в ней было столько жизни и энергии, что, по образному выражению их бывшего начальника полковника Медведкина, эта энергия могла осветить небольшой поселок городского типа. Причем предохранители никогда не сгорают.

Лебедкин вылакал полбутылки воды, и тут в дверь кто-то поскребся, затем ручка нерешительно качнулась. Лебедкин подавился водой, опрокинул бутылку и схватился за горло, чтобы не закашляться. Глаза его выкатились из орбит, и вид при этом был такой уморительный, что Дуся не удержалась и прыснула.

– Товарищ капитан, вы здесь? – послышался женский голос за дверью. Лебедкин показал Дусе кулак. Она нахмурилась и шагнула было к двери, чтобы открыть. Что, в самом деле, не в детском саду находятся, а на рабочем месте, в полиции. Серьезное учреждение, тут не в игрушки играют. Но Лебедкин умоляюще прижал руки к груди и смотрел так жалостно, что Дуся не двинулась с места.

Ручку еще подергали, потом напарники услышали понуро удаляющиеся шаги.

– Господи, ну за какие грехи мне это наказание? – Капитан Лебедкин театрально воздел руки к потолку.

– Ты, Петя, сам виноват, – вздохнула Дуся, – ты с потерпевшей неправильно разговаривал. Ты ей надежду дал.

– Да ничего я ей не давал! – взвился Лебедкин. – Я ей сказал, что дело закрыто, что его признали несчастным случаем, что племянница ее сама утонула. По пьяному делу!

– Вот про это ты точно не сказал, пожалел тетку. Мягкий ты очень, Петя, чувствительный, а это мешает жить и работать. Ты ведь и сам тогда немного сомневался, так?

– Ну, так...

– А она твои сомнения почувствовала и вцепилась в тебя, как клещ! Ну не нашли же в крови у той утопленницы ничего, кроме алкоголя! И того совсем немного. То есть несчастный случай это был, никто не виноват. Сама она виновата, что ночью пошла по мосткам прогуляться. Ну и свалилась в воду! Девка шальная была, ничего не боялась, а такие плохо кончают! Знаешь, что говорят: как веревочке ни виться, а рано или поздно гром все равно грянет...

– Да знаю я, знаю, – с досадой отмахнулся Лебедкин, – а все равно червячок какой-то в душе свербит. Что-то тут не то... что-то не складывается...

– Ну, Лебедкин! – Дуся с грохотом опрокинула стул.

Стул ее был изготовлен знакомым столяром по особому заказу – в полтора раза шире обычного и гораздо прочнее.

Столяр подарил Дусе этот стул в благодарность. Года два назад на его внучку напали в лифте, ударили по голове, вытащили из ушей грошовые сережки и денег взяли триста рублей. Больше не было.

Девочка попала в больницу с сильнейшим сотрясением мозга. Хорошо, что соседи вовремя подроспели, «Скорую» вызвали.

Дуся тогда буквально рыла землю носом, уж очень разозлилась. Невыносимо было смотреть в глаза деда. Дочка его умерла молодой, они с женой воспитывали девочку сами как могли, у них никого больше не было. И вот такое...

Коллеги только пожимали плечами – никого, мол, ты не найдешь. Сколько таких случаев! Нападают наркоманы на девчонок, потому что мужчину посильнее боятся, можно отпор получить. И тетки, что постарше, всегда начеку, в сумку так вцепятся – только с руками оторвать можно. И в лифт с незнакомцами ни за что не войдут. Так что девчонки беспечные – самый их наркоманской контингент. Или старухи, те по старой памяти никого не опасаются.

Никакой камеры, разумеется, в лифте не было – дом самый обычный, далеко не новый, домофон и то вечно сломан.

Девочка пришла в себя и только вспомнила руки. Лица она не видела, мерзавец напал со спины. Руки были грязные, все в каких-то разноцветных пятнах. И рукава красные.

Кто-то из свидетелей вроде бы видел недалеко от места преступления парня в красной куртке, но лица не разглядел под низко опущенным капюшоном.

Дуся была женщиной упорной, к тому же умела разговорить кого угодно. Люди, привлеченные ее обаянием, охотно рассказывали ей все, что знали. Так, стало известно, что недавно напали еще на одну девочку. Та что-то заподозрила, когда парень проскользнул с ней в подъезд, и задержалась у почтовых ящиков. Парень напал на нее прямо там, видно, ему уже было невмочь. Девчонка заорала, выскочили соседи, парень убежал, оставив в руках соседки оторванный карман от красной куртки. А в кармане оказалась проездная карточка.

Полицию решили не вызывать, чтобы не затаскали на допросы, а карточку соседка на всякий случай не выбросила, за что Дуся готова была ее расцеловать. Потому что теперь все было просто. Владелец карточки оказался студентом Художественного училища имени Мухиной, в просторечии именуемого просто Мухой. Его издали показали той девчонке, что сумела отбиться, а самая большая удача поджидала Дусю у него дома. Этот идиот сохранил сережки, снятые им с внучки столяра. Продать сразу же побоялся, а выбросить было жалко – все-таки какие-то деньги выручить можно...

Теперь бывший студент на зоне рисует лозунги «На свободу – с чистой совестью!» А столяр в благодарность сделал Дусе этот вот стул под ее габариты.

Дуся подняла стул и плотно на него уселась. Она хотела отругать напарника, но передумала. Все равно не поможет, уж если Петька вбил что-то в свою непутевую голову, то никакая сила его не остановит, прет вперед, как носорог.

Было так уже в прошлом году, когда он заиклился на серийных убийствах. Сколько начальство его ругало, сколько сослуживцы посмеивались, а ведь прав оказался Петька, была там серия, и поймали потом того маньяка!¹

Вот и с этим делом та же история. Семь месяцев назад на базе отдыха под названием «Теремок» утонула молодая женщина. Утонула в озере ночью. Была она в «Теремке» в компании подружек, справляли не то день рождения, не то был просто девичник. Выпили, конечно, поплясали, присоединились к ним какие-то мужчины, что отдыхали тут же. А что еще на такой базе делать?

¹ См. роман Н. Александровой «Амулет снежного человека».

Потом все разбрелись – кто парами, кто просто пошел спать. Потерпевшую хватились только рано утром. И нашли тут же, в камышах. Платье зацепилось за корягу, так что труп не унесло далеко.

Местные полицейские пришли к выводу, что имел место рядовой несчастный случай. Ну, выпила девушка лишнего, вышла на воздух – покурить там или просто освежиться, головка закружилась, она и упала в воду.

На первый взгляд они были правы, поскольку компания была хоть и шумная, разношерстная, но никто ни с кем не ругался, не ссорился и отношений не выяснял. Мужики, что соседствовали с девицами, были все люди солидные, приличные, приехали на выходные, чтобы порыбачить.

Ну, а вечером отчего бы с девушками не повеселиться, если те не против. И врач, производивший осмотр тела, не нашел никаких ушибов и следов борьбы.

Дело почти уже закрыли, но тут невесть откуда возникла тетка покойной. Тетка была упорна и настойчиво утверждала, что ее племянница никак не могла упасть в воду, потому как всегда крепко стояла на ногах, с чего ей падать-то? И алкоголь ее никогда не брал, то есть бывало, конечно, что выпивала в компании подружек, но чтобы валяться – этого никогда не было.

И на мостках возле озера нечего было ей делать, племянница никогда не любила уединение, наоборот, всегда возле нее люди, душой компании была. А курить вообще не курила, разве что одну-две сигаретки опять-таки в компании подружек.

И наконец, если уж поскользнулась и упала, то с чего ей тонуть? Племянница прекрасно плавала, она, тетка, сама водила ее в бассейн с шести лет. В соревнованиях даже участвовала. А потом родители ее забрали, потому как испугались, что фигура будет нехорошая – плечи слишком широкие, как у всех пловцов.

Тетка ходила по кабинетам, писала жалобы во все инстанции и, видно, обладала кое-какими связями, потому что дело окончательно не закрыли и в конце концов передали им. И полковник Медведкин, их непосредственный начальник, перед тем как уйти на повышение, передал дело Лебедкину.

Подгадил на прощание, непонятно за что. А Петр, почитав отчеты, вроде бы умом понимал, что все правильно, но все же засомневался. И не сумел скрыть эти сомнения от тетки потерпевшей. И тетка теперь буквально его преследовала, а начальство торопило с окончательным ответом. А Лебедкин все сомневался, оттого и прятался от тетки. Жалко все-таки Петьку, совсем запутался...

– Ты пойми, Дуся, – Лебедкин почувствовал ее слабину и заговорил горячо, взволнованно, торопясь и проглатывая слова, – девица эта, Мария Колыванова, здоровая была, молодая и крепкая. Ну, с чего ей тонуть-то, сама посудите?

– Ну, может, с сердцем стало плохо в холодной воде... – неуверенно сказала Дуся.

– Да нормально у нее все было с сердцем! – отмахнулся Лебедкин. – Врач же сказал. Ее утром нашли, так что никаких посмертных изменений не было. Там дядька опытный, сразу бы понял, что не так. В легких вода, стало быть, утонула. И вода, кстати, в озере не такая уж и холодная была, июнь месяц все-таки, а не апрель. Нет, что-то тут не то...

– Кстати, все хотела спросить, отчего та база так называется – «Теремок»? Там озеро да деревья вокруг.

– А, там раньше детский санаторий был, назывался «Теремок». Старое здание развалилось совсем, ну, кто-то выкупил участок, понастроили маленьких домиков, или коттеджей, а название старое оставили, потому что при въезде уж больно красивая вывеска. Из дерева вырезал какой-то умелец еще при советской власти. Нет, ну что-то там не так с «Теремком» этим!

– По-моему, Петя, ты дурью маешься, – кротко сказала Дуся. – И себя изводишь, и потерпевшей успокоиться не даешь. Время только зря тратишь. Ты от этого дела скоро совсем

обалдеешь и заговариваться начнешь. Вот, после того, как дело серийного маньяка раскрыли, начальник наш на повышение пошел, нам – премия, а тебе еще и путевка в Сочи. А ты не поехал, а почему?

– Сестре путевку отдал, она совсем замоталась со своей семейкой, да муж ее извел, вот я и предложил. Лети, говорю, отдохнешь там, а они тут без тебя обойдутся.

– Ну и как они, обошлись? – Дуся уже догадывалась, какой будет ответ.

– Обошлись, – криво усмехнулся Петр. – Только пока она две недели отдыхала, муж тут себе другую бабу нашел. И ушел к ней. Вообще у них давно все плохо было, сестра уж извелась вся.

– Так, может, и к лучшему?

– Ага, а сестра теперь меня во всем обвиняет. Если бы, говорит, не ты со своей путевкой, муж бы не ушел. Вот так. Делай после этого людям хорошие дела...

– Ладно, Петя, – Дуся погладила напарника по руке, – все утрясется. А у нас с тобой, между прочим, дел невпроворот, вот как наедет на тебя начальство...

Напарники переглянулись и дружно вздохнули.

С начальством все было неясно. Прежний начальник полковник Медведкин был не то что бы хороший, но привычный. Даже капитан Лебедкин заранее знал все, что он может сказать или сделать, а уж Дуся вообще видела его насквозь. Надо сказать, что к Дусе Медведкин никогда не цеплялся.

После успешного раскрытия крупного дела серийного маньяка полковник пошел на повышение. А им через некоторое время прислали человека со стороны.

Сказать, что он был полной противоположностью полковнику Медведкину – значит, ничего не сказать.

Новый начальник был вообще ни на кого не похож. Был он относительно молод – нет еще и сорока, но это можно было заключить только по внешнему виду – довольно быстрые движения, легкая походка, прямая спина. По лицу же сказать ничего было нельзя.

Лицо нового начальника было непроницаемо, как дверца холодильника, причем всегда. Разговаривал он негромким, тусклым, невыразительным голосом, вежливо, но холодно, слова выговаривал четко. Глаза смотрели прямо на собеседника, но ничего не выражали. Полковник Медведкин орал и грозил провинившемуся небывалыми карами, если же хвалил, то от души, хлопывая по плечу и пожимая руки. Такое, правда, бывало нечасто, но все же... все же было в нем что-то живое, человеческое.

Этот вообще не проявлял никаких эмоций. Подчиненных называл на «вы» и по фамилии. Всегда был чисто выбрит, и прическа – волосок к волоску. Одевался в хорошо сшитые костюмы, рубашка всегда свежая и галстук в тон. Ничего кричащего и безвкусного, а также никакой индивидуальности.

Машина у него была своя, новая и дорогая. В новогодние каникулы он ездил кататься на лыжах в Красную Поляну.

Сотрудники терялись в догадках, откуда взялся этот тип. Никто про него ничего не знал, даже вездесущая секретарша Верка недоуменно пожимала плечами.

Было такое чувство, что новый начальник взялся ниоткуда, вот просто вытащили его из коробочки, где он до того хранился, обложенный ватой, – такого чистенького и застегнутого на все пуговицы – и определили в кабинет Медведкина. Верка смотрела свысока и собирала вещи, рассчитывая, что Медведкин возьмет ее собой.

Верка была хамка и раздолбайка, но все же своя в доску, Дуся отлично с ней ладила. Однако Медведкину, видимо, надоел Веркин характер и внешний вид, и он взял себе в приемную кого-то попривлекательней и повежливей.

В конце концов, Верка все поняла и уволилась сама, сообразив, что в противном случае ее просто выгонят, а на ее место новый начальник посадил старую гримзу Софью Павловну.

Она навела в приемной идеальный порядок и на всех без исключения сотрудников смотрела с нескрываемым презрением.

Сотрудники затаились, решив выждать, только капитан Лебедин пытался добиться у начальства понимания по поводу дела об утопленнице. И вышел в полном недоумении.

– Слушай, – пожаловался он Дусе, – а вот я думаю – может, он вообще не человек, а робот? Ну, есть же у них там человекообразные роботы, одна даже в гостинице работает и неплохо справляется, кстати, зовут, как нашу ведьму, – Софией, я в интернете читал. Так, может, и у нас сделали и прислали первый опытный образец сюда в качестве эксперимента? Испытать, так сказать, в деле?

– Да ладно, – отмахнулась Дуся, но задумалась. Что-то в этом, возможно, было.

Петька, конечно, фантазер и увлекающаяся натура, но это бы объяснило многие странности нового начальника. Его абсолютно неподвижное лицо, эти бесцветные, ничего не выражающие глаза, слишком аккуратная прическа, слишком правильная речь... И даже фамилия – Иванов.

– Ну тебя, Петька, вечно ты что-нибудь выдумаешь!

Но с тех пор Дуся нет-нет да и возвращалась к этой мысли.

Сейчас напарники переглянулись и снова дружно вздохнули. Да, с таким начальником нелегко работать.

– В общем, так, Петя, – сказала Дуся и придвинула к себе папки с делами, – все это лирика, а у нас работы невпроворот. Какой бы ни был начальник, но работу с нас спросят, и нам с тобой придется отвечать. Так что отложи в сторону свою утопленницу и сосредоточься на сиюминутном. Вот главных два дела. К одной тете в окошко влезли, но ничего не взяли. А другую дамочку обокрали, только непонятно как. Ты первичный опрос проводил?

– Проводил. Но давай сначала ты. Как это – влезли, но ничего не взяли?

– Ой, там просто цирк какой-то! – Дуся засмеялась. – Значит, потерпевшая живет в обычной пятиэтажке на первом этаже. Квартира двухкомнатная, в одной комнате – она, а другая ее брату принадлежит. Им квартира от родителей осталась, только брат давно у жены живет, а комната его запертая стоит.

Значит, она в свое время поставила железные решетки на окна, а брат денег не дал, помотничал, и у него решетки нету. И вот как-то ночью слышит она шум, звон стекла, а потом голос из другой комнаты: «Открой дверь!»

Тетка всполошилась – кто, что, почему, пока халат нашла, пока в прихожую вышла. Там стучат изнутри в дверь комнаты брата и орут, чтобы открыла, да еще матом обзываются. Это, значит, они окно разбили и влезли в комнату, а выйти не могут.

А брат в той комнате совершенно нечего – один шкаф пустой стоит, да еще кровать старая, с панцирной сеткой, как в пионерском лагере. Тетка и говорит, что и хотела бы открыть, да не может – ключей нету. Ну, пока они орал, соседи из окна услышали и патруль вызвали. Те из окна обратно полезли – тут их и прихватили. И оказалось, что это сосед с другом своим по пьяному делу к тетке влезли.

– Ну, сажать его, что ли, за это... – недовольно пробурчал капитан Лебедин, – ничего не взяли, окно старое разбили – пусть заплатят, да штраф еще насчитать. Хотя с алкаша взять нечего...

– О, тут самая драма и начинается! – усмехнулась Дуся. – Этот, понимаешь сосед – молодой мужик, они в свое время с дочкой этой тетки, потерпевшей, любовь крутили. Давно, еще со школы. Ну, потом дороги их разошлись, дочка учиться пошла, потом работать, а потом замуж вышла за другого. Ну, натурально этот парень обиделся – променяла, кричал, меня на олигарха!

– А что – и правда, настоящий олигарх? – полюбопытствовал Лебедин.

– Да какое там! Просто обычный бизнесмен, фирма у него даже не своя, а с компаньоном пополам. Ну, по сравнению с этим-то голодранцем человек, конечно, небедный.

Короче, парень с горя пить начал. Он и раньше-то этим делом увлекался не в меру, отчего его дочка бросила, а теперь совсем вразнос пошел. Мамаша его, конечно, во всем винит эту нашу тетю, потерпевшую, дочку ее последними словами обзывает, а сам подумай – какой матери такое понравится?

Разругались они вдрызг, но это уж потом, а до того потерпевшая с зятем своим поссорилась и с дочерью. Они-то раньше с соседкой подругами были, хотели детей поженить и в старости общих внуков воспитывать. А тут полный облом. Тетка наша со всеми поссорилась – сама, говорит, проживу, никто мне не нужен. Это мне все другая соседка рассказала, которая как раз патруль и вызвала.

– Ну и что делать теперь?

– А все уже сделано, – отозвалась Дуся безмятежно. – Дала мне та соседка телефон дочери потерпевшей, я с ней поговорила по душам, она приехала и мать уговорила эту квартиру вообще продать, а они с мужем ей в новом доме однокомнатную купят.

Та отошла маленько, да и поняла, что ей тут жизни все равно не будет. Опять же дочка беременная, скоро внук появится, это же сколько забот. Так что сегодня она обещала прийти и заявление забрать. Денег с них требовать не станет, а соседке и так достанется – всю жизнь с алкоголиком жить.

– Ты, Дуся, молодец, хоть одно дело теперь закроем, начальству отчитаемся!

– Да я-то молодец, а у тебя что с кражей?

– Ну, влезли в квартиру, украли денег, что были, и кое-какие драгоценности. Потерпевшая – одинокая молодящаяся такая бабенка. Накрашена, как индейский вождь, и духами так несет – я полдня кабинет проветривал и все равно чихал.

– Не понравилась тебе, значит, – хмыкнула Дуся.

Все в отделении знали, что капитан Лебедин боится женщин. Была у него когда-то жена, но семейная жизнь и последующий развод оставили в его душе такие ужасные воспоминания, что Лебедин не делился этим даже с Дусей.

– Да не в том дело! – поморщился Лебедин. – Значит, открыли дверь ключами, потому как если бы отмычкой, то очень уж хорошей, дорогой, а скажи, пожалуйста, для чего человеку с такой отмычкой идти в обычную квартиру?

– Логично, – согласилась Дуся.

– Значит, спрашиваю я потерпевшую, не теряла ли она ключи. Нет, говорит, не теряла. Ну, тогда, у кого они могут быть? Мало ли, у соседки в ящике стола лежат, а у той внук шалопай, или к сыну какая-нибудь подозрительная девица ходит. Нет, говорит, никому не давала ключи, потому как совсем недавно новую дверь поставила, и замки соответственно тоже новые, так что не успела к сестре съездить, чтобы ей ключи запасные отдать.

– Любовник? – Практичная Дуся смотрела в корень. – Бабенка молодящаяся, вполне могла запасть на мужика с криминальными наклонностями.

– Ну, пытался я, конечно, этот вопрос затронуть, так она так на меня зыркнула – чуть не сожгла взглядом. Это исключено, говорит! Ну, я тогда спрашиваю, что она в этот день делала. Работала, говорит, в офисе сидела. И сумка все время при ней была, а ключи – в сумке. И вечером ключи тоже в сумке были.

Еще в парикмахерскую ходила, но там тоже сумка при ней. И народу днем в салоне никого не было, а мастера этого, Ларису, она уже лет десять знает, как в этот дом переехала. Так что думать на нее никак не может. Да и Лариса все время на виду была.

– А что украли-то?

– Деньги, тысяч двадцать, ей как раз долг отдали наличкой, и кулон. Говорит, дорогой, с настоящим сапфиром, она в Египте в свое время покупала.

– Да какой там дорогой, в Египте-то... – усомнилась Дуся. – Небось дешевка туристская.
– Утверждает, что дорогой. А я что? Факт кражи был? Был. Значит, приходится заниматься. Не могу же я потерпевшую подальше послать, – уныло сказал Лебедкин.

– Конечно, тебе обычной кражей заниматься теперь не с руки, – съехидничала Дуся, – тебе подавай серийные убийства! Не меньше пяти эпизодов, иначе не согласен!

– Типун тебе на язык! – испугался Лебедкин. – Еще не дай бог накаркаешь!

Впрочем, сказал он это так просто. Всем известно было, что Дуся – баба хорошая, и глаз у нее не дурной, и язык не злой.

– Так... – Дуся поглядела запись первичного опроса потерпевшей. – Значит, живет она тут, рядом, раз дело к нам попало. Знаю, дом этот новый, у метро стоит. А работает где?

– Фирма «Ориент», это где-то в центре. На работу на метро ездит, я уж спрашивал. В принципе в метро такие умельцы попадаются, кошелек из сумки вытащат и обратно застегнут, так что никто и не заметит, особенно в часы пик. Но тут другой случай...

– Говоришь, к парикмахерше стала ходить, как в этот дом переехала? – задумалась Дуся. – Тогда я этот салон знаю, «Фея» называется, как раз в этом доме и находится.

– Ну да, вот у меня записано, салон «Фея», мастер Алиса... ай, нет, Лариса.

Дуся невольно подумала, что Петька все-таки опер хороший. Опрос свидетелей провел грамотно, подробно, ничего не забыл, ничего не упустил. Вот если бы не идеи его завиральные и не вечные сомнения – цены бы ему не было.

– Схожу-ка я в парикмахерскую. – Дуся погляделась в оконное стекло. – Обросла совсем, надо постричься.

Волосы у Дуси росли быстро и в разные стороны. Парикмахеры, выпуская ее из своих рук в относительно приличном виде, только вздыхали, зная, что это ненадолго.

– С чего это ты надумала в рабочее время? – удивился простодушный Лебедкин.

– С того, что подозрителен мне этот салон! Сам посуди – все рядом, в этом же доме, у парикмахера дамы уж не меньше двух часов проводят, так что запросто можно ключи взять, квартиру обокрасть и ключи назад положить.

– Да она же уверяет, что сумка все время на глазах была! Все время на виду!

– Да знаю я, как на глазах! Голову моют – она глаза и закрыла. Долго ли ключи вытащить?

Дуся уже набирала номер салона «Фея». Ей повезло, была смена Ларисы, и по дневному времени в записи оказалось окно.

– Ну, я пошла! – Дуся надела куртку, повесила сумку на плечо и сделала напарнику ручкой. – Не скучай тут!

Выйдя из кабинета, Дуся свернула в дальний конец коридора, чтобы освежиться. В туалете перед зеркалом красила губы секретарша начальника Софья Павловна. На Дусино приветствие она прошипела что-то, не поворачивая головы.

Помада была ярко-красная. Накладывала ее Софья Павловна, не жалея. Закончив, она повернулась и окинула Дусю взглядом. В глазах ее Дуся отразилась как толстая, малость запущенная, плохо одетая деваха. Дуся широко улыбнулась в ответ. Софья поджала губы. При наличии такого количества помады губы вполне могли склеиться навсегда. Во всяком случае, у Дуси появилась такая надежда.

После ухода зловредной секретарши Дуся уставилась на себя в зеркало. Да нет же, с ней все нормально – глаза сияют, волосы стоят дыбом, энергия просто прет, вся красота при ней. А Софья просто старая ведьма. И еще энергетический вампир.

Как только за Дусей закрылась дверь, раздался требовательный звонок телефона. Капитана Лебедкина срочно вызвали к начальству. В который раз подивившись Дусиной интуиции – умеет она вовремя слинять с начальственных глаз, он вздохнул и отправился на ковер.

В приемной гримза Софья, как всегда, прошипела что-то презрительное. Лебедин тяжело вздохнул. Вот раньше Верка всегда предупреждала, в каком настроении начальник. У нее даже разработана была специальная система знаков.

Если на столе слева стояла фотография Веркиной собаки породы питбуль – стало быть, все в порядке, полковник встал сегодня с нужной ноги, и сверху его не тревожили, так что можно особо не опасаться. А вот если фотография убрана в стол и на ее месте статуэтка китайского нефритового божка, которую подарили Верке на день рождения, – тогда следует вести себя осторожно, подготовиться к худшему и ждать любых неприятностей.

Да, с Веркой было проще. А у этой на столе вообще ничего постороннего не стоит. Лебедин снова вздохнул и потянул на себя дверь кабинета начальника.

– Что можете мне сообщить? – спросил начальник голосом, сухим, как дрова на морозе.

Хотя нет, дрова все-таки горят в печке, весело потрескивая, от огня тепло бывает. Тут совсем другой случай.

– Капитан, я жду отчета.

Лебедин отрапортовал про Дусину работу.

– А сама она где? – поинтересовался начальник.

– Проводит оперативные мероприятия в пар... – тут Лебедин опомнился и прикусил язык.

Лицо начальника, как всегда, было бесстрастным, так что непонятно, догадался он про парикмахерскую или нет.

– Вот вам, капитан, новое дело. ДТП со смертельным исходом. Разберитесь там побыстрее, времени нет. – Начальник протянул тонкую пока папку.

И посмотрел прозрачно-ледяным взглядом, заранее отметая всяческие вопросы.

Впрочем, вопросов у капитана Лебедина пока не было, они еще не успели возникнуть.

Далее выяснилось, что ДТП произошло недалеко от пансионата «Сосенки», что местные полицейские первичный осмотр провели, свидетелей опросили, а трупы отправили к ним, и патологоанатом Гоша Копытин уже делает вскрытие, просил зайти часа через два. Если интересно, конечно.

Капитану Лебедину было неинтересно, но служба есть служба. Он хотел смотаться в столовую, но по зрелом размышлении решил этого не делать. И, как оказалось, правильно поступил.

Далеко от Кремля, далеко от Москвы, в богатой Казани, в большой, богато изукрашенной горнице ханского дворца, собрались самые важные казанские люди. Сам хан сидит на золоченом престоле, ноги в сафьяновых сапожках на бухарском ковре, лицо неподвижное, загадочное, как у Будды, о чем думает хан, что замышляет – никому не ведомо. По сторонам золоченого престола – многочисленная ханская родня, и опытные военачальники, и наиглавнейшие казанские мурзы. Принимает хан московских послов.

Послы стоят важные, насупленные. Жарко в горнице, но послы не снимают свои шубы – на черной кунице, крытые дорогим бархатом. Пусть видят татары их богатство.

Выходит вперед главный посол, посольского приказа думный дьяк, говорит:

– У великого князя московского Василия сын родился, княжеского роду законный наследник. По сему важному поводу да от великой своей радости шлет великий князь хану знатные дары. И ждет великий князь, что хан почтит новорожденного, оплатит за княжеские подарки своими дарами.

Кивнул дьяк толмачу – переводу, да чтобы все в точности, без отсебятины! Махнул рукой подъячим, те вынесли к ханскому престолу дары – меха да серебро.

Хороши меха у московских послов – черная куница, да соболя, да седые бобры.

Толмач начал было переводить – но вдруг старая ханша, мать хана, вперед шагнула, покачнувшись, на пол упала как подкошенная. По полу катается, зубами страшно скрипит, глаза под лоб закатились, изо рта пена идет.

Послы испугались, понялись, не знают, что делать, как себя держать, а татары сидят как ни в чем не бывало, молчат, ждут, что будет.

Толмач русским тихонько объяснил: «У ханши священная болезнь, по-простому говоря, падучая, сейчас ей мешать нельзя, говорить ничего нельзя, ждать надо. Скоро она от судорог отойдет и будет пророчествовать».

И правда, перестала ханша кататься, успокоилась. Подняли ее две татарки под руки, пену со рта вытерли. Стоит ханша с закрытыми глазами, говорит:

– Не простой сын у вашего князя родился! Родился он многим на погибель, многим на страдание. Двое зубов у него – одни медные, другие железные. Медными зубами он будет нас, татар, пожирать, а железными – вас, русских!

Переполошились послы, главный дьяк нахмурился: негоже такие словеса про государева наследника выслушивать! Но татаре – они и есть татаре, что с них возьмешь?

Замолчала ханша. Ближние татарки подвели ее к бархатной скамье, золотыми нитями расшитой, усадили. Послы притихли, ждут, что дальше будет.

Хан на них взглянул, что-то сказал по-своему. Двое прислужников подбежали, русские дары свернули, в тюки увязали, обратно послаам принесли.

– Что сие значит? – нахмурился главный дьяк.

Смутился толмач, глаза опустил, говорит:

– Сильно великий хан мать свою уважает. Не захотел он ваши дары принять, сказал, что весть, которую вы принесли, – дурная, и негоже из-за нее дары принимать или дарить.

Переглянулись послы – что великому князю докладывать? Как без ханских даров воротиться? Суров великий князь, может осерчать, а там и до опалы недалеко.

Стоит у городских ворот, перед самым Можайским трактом, большая приземистая изба. Семь окон, дверь широко распахнута – заходи, кто хочет, у кого лишняя копейка есть. Царев кабак.

Перед кабаком валяется пьяный стрелец в малиновом кафтане. Кафтан продран да грязью замаран, сапоги с него кто-то уже снял – а может, и сам он их пропил. Внутри кабака жарко натоплено, душно. В углу – темная, закопченная икона, суровый лик святого глядит на кабацкую голь с неодобрением.

За прилавком, сложив толстые руки на груди, стоит целовальник Мокей Провыч – серьезный мужчина с окладистой чернявой бородой и большой блестящей плешью. За спиной у него – штофы да бутылки с зеленым вином.

Полон кабак – тут и мелкие купчики с ближнего базара, и загулявшие мастеровые, и пропившиеся стрельцы, и нищие ярыжки, и странники бездомные, калики перехожие.

В дальнем углу сидит старичок в драном тулупе, блекло-голубые глаза смотрят из-под мохнатых бровей, и кажется, что видит он не только окрест себя, но и далеко вокруг. Вокруг того старичка столпился кабацкий народ – слушают.

– Истинно вам говорю, православные, – говорит старичок высоким звучным голосом, прямо как поп с амвона, – истинно говорю, последние времена настали! По всем знакам, последние времена! Антихрист на землю пришел!

– Ты, старик, ври, да не завирайся! – подает голос Мокей Провыч. – Сам не знаешь, что говоришь!

– А ты, дядя, не знаешь, так не говори, а нам не мешай слушать! – обрывает целовальника стрелец в зеленом, простреленном на плече кафтане.

– Истинно вам говорю! – повторяет старичок. – Все знаки свершились! Первое, значит – гром гремит с ясного неба... видели вы прежде такое?

– Не видели! – дружно отвечает кабацкий народ.

– То-то, что не видели! А теперь что ни день – то гроза, и ведь все же с ясного неба... – Старичок ненадолго замолкает, чтобы дать слушателям время свыкнуться со своей мыслью, потом продолжает, оглядев окружающих: – Второе – саранча из южных степей наступает. Как придет – все подъест, до самого корешка. А что же нам-то останется? Лебеда да кора с деревьев!

– Ох, горе! – вздыхают кабацкие.

– А в Можайске, рассказывают, теленок родился о двух головах. Виданное ли то дело?

– Ты сам-то того теленка видел? – неодобрительно спрашивает из-за прилавка целовальник.

– Сам, может, и не видел, а верные люди рассказывали! Верные люди врать не станут!

– А сам не видел, так и не говори!

– А ты сам, мил человек, Илью-пророка видел? – ехидно осведомляется старичок.

– Где же мне его видеть?

– Вот, не видел – а все ведь знают, что это он грозу приносит! – припечатал старичок, и все вокруг дружно засмеялись – хорошо старый осадил целовальника!

– Так что точно говорю вам – настали самые последние времена! – подытоживает старик. – Самые что ни на есть последние времена! Пришел на землю Антихрист! И не где-нибудь в басурманских краях – а здесь, у нас, на Москве! – И снова надолго замолкает, оглядывая слушателей.

– Кто же это? – не выдерживает одноглазый ярыжка. – Говори, коли знаешь!

Видно, что старичок ждал этого вопроса. Снова оглядывается он по сторонам, понижает голос и говорит тихо – но слова его разносятся по всему примолкшему кабаку:

– Олены Глинской паценок!

На мгновение все вокруг замирают, пораженные его словами, но затем кабак наполняется криком, руганью.

– Ты, старик, что несешь? – возмущается стрелец. – Это же государя нашего наследник, великого князя Василия! Да с тобой за такие слова знаешь, что сделать могут?

– А вот и нет! – снова высокий голос старика легко перекрывает кабацкий шум. – Не наследник он великого князя! Олена, полька хитрая, глаза великому князю отвела, с ближним боярином Овчиной спозналась, его это паценок, а не князя! Кто его видал – все говорят, что на боярина Овчину похож, прямо одно лицо!

Снова замолк старик, глядит по сторонам, потом добавляет, голос понизив:

– А уж ежели по правде – так самого сатаны отродье. Родился он с зубами, и как великий князь на руки его принял – так он в палец-то его зубьями своими и вцепился! Вцепился, ровно волчонок! И зубья у него не простые, а с ядом, как у змея-аспида, так что великий князь с того дня хворает! А как великий князь померет – так и наступит царство Антихриста...

– Ты, старый, ври, да не завирайся! – рявкает снова целовальник. – За такие слова запросто можно на плаху угодить! Эй, люди добрые, держите смутьяна! Надо его отволочь в сыскной приказ, пуцай там сказки свои рассказывает!

Среди кабацкого люда начинается коловращение – кто хочет схватить старого бродягу и сдать сыскным, кто жалеет его ради преклонных лет, пока разобрались, того и след простыл – небось уже в другом кабаке смущает народ, сбивает с пути своими непотребными разговорами.

Салон «Фея» располагался в полуподвальном помещении относительно нового дома. По зимнему времени вывеска горела днем и переливалась разными цветами. Дуся спустилась по лесенке и отворила дверь. Колокольчик мелодично звякнул.

– Вы к Ларисе на стрижку? – спросила приветливая девушка за стойкой. – Чай, кофе?

– Не откажусь, – улыбнулась Дуся, – кофейку бы с удовольствием, взбодриться.

Прибежала Лариса, всплеснула руками при виде Дусяной шевелюры – дал же Бог так много волос, на троих хватит!

Помещение салона было небольшим, всего три кресла, причем занято было только одно, Дусей. В углу была еще дверь, туда как раз прошла клиентка на маникюр.

– Сумочку сюда повесьте... – суетилась Лариса, – сейчас головку помоем, пожелания есть насчет стрижечки?

Была она многословна и суетлива, однако доброжелательна без приторности. Дуся изобразила раздумья, тогда Лариса унеслась за журналом со стрижками. Оставшись одна, Дуся исподволь огляделась. Зал небольшой, ничего лишнего, три кресла, раковина у окна, а с другой стороны – шкафчик, за ним виден угол столика, а там кто-то шевельнулся тихонько.

– Это наша отличница Верочка, – улыбнулась подошедшая Лариса, перехватив Дусин взгляд, – маникюрши дочка. Там кабинет крошечный, опять-таки химией пахнет, когда ногти наращивают. А здесь посвободнее, она ведь не мешает...

– Конечно, – согласилась Дуся.

Пока мыли голову, Дуся подтвердила свою мысль, что сумка на это время остается без присмотра. Лариса занята клиенткой, клиентка блаженно зажмурила глаза, в зале больше никого нет, кроме... кроме девчонки за шкафом.

Дуся открыла один глаз и увидела, что девочка внимательно смотрит в ее сторону. В глаз тут же потекла мыльная пена.

Когда мастер сняла с Дусяной головы полотенце, девочка стояла у двери. Была она худенькая, маленькая и какая-то невзрачная и незаметная. Бровки белесые, носик пуговкой, глазки бесцветные, близко посажены, губы бледные.

– Ты куда это, Верунчик? – спросила Лариса.

– Пойду пройдуся, голова что-то болит, – ответила девочка тоненьким голоском, – вам в магазине что-нибудь купить?

– Ну, купи пирожок в пекарне, чаю попить, – сказала Лариса, – ой, знаю, что нельзя мне, а так пирожки люблю!

– Хорошая девочка, – сказала Лариса, когда они в зале остались одни, – матери помогает, если что попросишь – всегда сделает. Пол подметет за клиентом или раковину вымоет. И все сидит за книжками своими, все корпит. У них дома полный кошмар – отец к другой ушел, а свекровь с ними в одной квартире живет. Ругается жутко, со свету их с матерью прямо сживает. Так что Верочка к нам приходит уроки делать. И то сказать – девчушка некрасивая, невзрачная, так что ей надеяться особо не на что. Мы уж тут мать ее утешаем – разрастется, мол, да только видно, что такая и будет.

– А сколько ей лет? – спросила Дуся вроде бы просто так, для поддержания беседы.

– Да лет двенадцать, наверно, мала еще, может и разрастется, чего в жизни не бывает. Вот у нас во дворе, помню, была одна такая... – Лариса углубилась в воспоминания. Дуся изредка поддакивала, сама же прикидывала, можно ли дойти с того места, где сидит девчонка, до висящей сумки, вытащить из нее ключи и уйти незаметно. Получалось, что можно, но рискованно, вдруг мастер от раковины заметит. А вот если в это время пол подметать, то запросто можно все незаметно проверить.

Лариса была мастером своего дела, так что через некоторое время голова у Дуся выглядела вполне прилично.

– А чтобы не растрепались, мы воском уложим! – крикнула Лариса и умчалась куда-то за этим самым воском.

Дуся использовала это время, чтобы ненавязчиво просмотреть девчонкины книжки. Все учебники были для восьмого класса, так что девчонке не двенадцать, а четырнадцать. Тетрадь подписана была Левашовой Верой, восьмой класс.

Дуся уселась обратно в кресло и прислушалась к себе. Девочка ее заинтересовала.

Во-первых, с чего это она все учится, а не гуляет, в кружки не ходит? А во-вторых, такое совпадение: как только поймала она Дусин заинтересованный взгляд, так сразу слиняла из салона, чтобы вопросов не было. В-третьих, ключи из чужой сумки она вытащить может запросто. И положить тоже.

Явилась Лариса, за ней – новая клиентка, которая тут же застрекотала о своем – о сыне, о его девушке, о коте, о новой мебели, которую она ждет завтра. Да, тут только слушай внимательно, люди сами все выболтают. И та, обокраденная, небось тоже все выложила – и что долг ей отдали, и про кулон дорогой.

Дуся расплатилась и вышла из салона на улицу. Помедлила немного – и тут увидела девочку Веру, которая как раз переходила улицу. И тут же, вместо того, чтобы идти к салону, свернула в сторону. Явно не хочет встречаться!

Дуся шагнула следом, девчонка оглянулась через плечо и ускорила шаг.

– Постой! – крикнула Дуся. – Постой, Вера! Постой, подожди, поговорить надо!

Девочка свернула в проезд между домами, который упирался в забор. Забор был выгребший и покосившийся, видно какой-то долгострой. Вера уже бежала вдоль забора.

Дуся решила догнать ее во что бы то ни стало. И хорошенько расспросить. Она мчалась прямо по лужам, но проход был узкий, там, где девочка проскакивала легко, Дуся протискивалась с трудом и на этом теряла драгоценное время. Дуся повернула за девочкой в сторону от забора, дальше был торец обычного восьмиэтажного дома, за ним – решетка с калиткой.

И в это самое время откуда-то появились три здоровенные девицы и окружили Веру.

– И чего это ты, Левашова, тут делаешь? – заговорила одна – толстая, с жирными темными волосами, она была выше Веры на голову и толще раза в четыре.

Вера пыталась отступить, но ее уже перехватила вторая девица – не такая толстая и даже привлекательная, если бы черты ее, по выражению классика, не были отуманены некоторым идиотизмом. К тому же она активно и непрерывно жевала резинку, что тоже не способствовало умному виду.

– Девочки, ну что вы, – плаксиво заговорила Вера, – ну что вам от меня надо?

– А вот ты скажи, что у тебя в карманах? – спросила третья девица, как видно, заводила в этой малоприятной компании.

Волосы у нее были черные, нос длинный и голос хриплый, так что все вместе здорово напоминало ворону.

Вера завертела головой.

Бежать было некуда, и помощи ждать неоткуда.

На заборе сидела какая-то большая черная птица с длинным крючковатым носом, чем-то похожая на заводилу окружившей Веру компании. Птица наблюдала за происходящим с явным интересом.

– Что у тебя в карманах? – повторила черноволосая девица. – Не хочешь говорить? Ну, это ничего, мы сами посмотрим! Нам это ничего не стоит!

Толстая девка схватила Веру за куртку, та рванулась, попыталась выскользнуть, но вторая крепко держала сзади за плечи. Карман куртки оторвался, и на грязную землю высыпались деньги. Четыре бумажки по пять тысяч.

«Точно, это она денежки у потерпевшей поперла, иначе откуда столько денег у девчонки?» – подумала Дуся и решила, что пора ей вмешаться.

А девицы в это время испустили удивленное «вау» и кинулись на деньги. Но не все, потому что одна все так же держала Веру, чтобы та не могла убежать.

– Откуда у тебя деньги? – вкрадчиво спросила заводила, похожая на ворону, и схватила Веру за нос.

– Не твое дело! – прогнусавила Вера и бешено завертелась, стараясь освободиться.

– А может, у нее еще что есть? – «Ворона» дернула за другой карман куртки и вытащила что-то небольшое, какую-то не то коробочку, не то баночку.

– Отдай! – Вера все-таки вырвалась из рук здоровенной девицы и бросилась за коробочкой, но «ворона» ловко перекинула ее толстухе. Со всего размаха Вера врезалась в толстуху, та от неожиданности выпустила коробочку и с размаху наступила на нее ногой. Послышался громкий треск. Вера сама едва успела отдернуть руку. Опомнившаяся идиотка снова схватила Веру сзади за плечи, а заводила ударила ее по лицу, затем схватила остатки расколотой коробочки и перебросила через забор во двор соседнего дома.

– Видела? – спросила она насмешливо. – Так откуда у тебя столько бабок?

– Не твое дело! – снова крикнула Вера и наклонила голову, пытаясь укунить «идиотку» за руку.

Ничего не вышло, только расстегнулась куртка, и под ней блеснуло что-то синее, яркое и золотое. Идиотка удивленно ахнула, широко открыла глаза и отпустила Веру, зато толстая схватила кулон, что был у Веры на шее и дернула изо всех сил. Цепочка, однако, была прочной, так что Вера закричала.

– Ну, хватит! – Дуся оказалась рядом. – Пошутили – и будет, пора и честь знать.

– Ты еще откуда, тетя? – вызверилась на Дусю «ворона». – Шла бы лесом...

– А это ты видела? – Дуся предъявила полицейское удостоверение. – Так что срочно верните денежки и валите отсюда, чтобы я вас больше не видела.

Девицы, ворча и скалясь, отступили, на прощание толстая пообещала Вере еще встретиться.

Дуся не отказала себе в удовольствии пинком придать толстухе дополнительное ускорение, проследила за ее траекторией, затем наклонилась, чтобы поднять деньги, и тут же протянула руку назад, как хитрый кот – лапу, чтобы поймать пытавшуюся улизнуть Веру, которая бросила кулон.

– Ну что? – спросила Дуся, поймав кулон. – Попалась?

– Это не я, – пропыхтела Вера, пытаясь вырваться из железной Дусиной хватки. – Пустите, тетенька, нельзя так с несовершеннолетними обращаться.

– Ах вот как... Стало быть, ты – белая и пушистая, а тетя-полицейский тебя обижает. А это тогда что? – Дуся помахала кулоном. – И денежки все при тебе, ровно двадцать тысяч, четыре пятерки, ты и припрятать не успела, как утащила, так с собой и носишь... А хотя я все понимаю. В квартире не спрячешь – бабка найдет и отберет, она за тобой следит все время, так?

– Так, – буркнула Вера, – как отец ушел, так она совсем с катушек сошла. И отпустите вы меня, все равно ничего не докажете. Кулон я нашла и деньги тоже. Ничего мне не будет...

– Законы ты знаешь, это хорошо, – протянула Дуся, – значит, считаешь, что тебе ничего не будет? Допустим, хотя это тоже отдельный вопрос. Но, во-первых, узнают в салоне, и мать твою выпрут с работы на счет раз. И клиентки такую славу создадут, что салончик накроется медным тазом очень быстро. И хозяйка салона, уж будь спокойна, постарается, чтобы твою маму в черный список занесли и никуда не брали. Ни в один салон не возьмут, и домой никто не пустит, раз дочь – воровка...

Дуся сделала паузу, чтобы девочка смогла переварить ее слова, затем продолжила:

– Ну, в школе, ясное дело, все моментально узнают, и так далее. С голоду ведь помрете. И как тебя угораздило с воровством связаться? Чего тебе не хватало?

– А чего они, – Вера засопела, – у других все, а у меня... Эта дура сама все про себя треплет, и денег-то у нее навалом, и мужчины разные. Да кому она нужна-то?

– Воровать нехорошо, – наставительно сказала Дуся, представив, какой бесконечной морокой обернется арест несовершеннолетней. – Ладно, сейчас ты мне все честно расскажешь, а там посмотрим. Это ведь не первая кража, да?

– Ну... как посмотреть... Было еще пару раз. Только тогда тетки ничего не заметили. Одна думала, что это сын у нее семь тысяч взял, а другая вообще такая дура, что не знает, сколько у нее денег в доме. Я только пять тысяч взяла у нее одной бумажкой, так она решила, что потеряла или засунула куда-то. Она вечно все теряет. Я вообще брала каждый раз не помногу, от них не убудет... знаете, как говорят – если от многого взять немножко, это не кража, а дележка.

– Вообще-то сомнительное оправдание! А в этот раз зачем взяла столько, да еще и кулон прихватила? Во вкус вошла? Удержаться не смогла?

– Я не знала, что он дорогой, думала – простая бижутерия... И что она в полицию из-за этого не пойдет, из-за двадцати-то тысяч, себе дороже выйдет...

Если кто-то и удивился, с чего это девчонка вдруг так разоткровенничалась, то никак не Дуся. Ей всегда все рассказывали, такое уж у нее свойство.

– Больше ничего там не взяла, кроме кулона и денег? – спросила Дуся, пристально глядя на девчонку.

– Не-а, – Вера мотнула головой, – так, ерунду, шкатулочку эту, – она махнула рукой в сторону забора, – кулон в нее положила. Но эти дуры ее все равно сломали.

– В общем, так, – сказала Дуся, – кулон вернешь, и деньги все до копеечки. В почтовый ящик положишь или под дверь подсунешь, мне без разницы, сама выбирай. Но попробуй только до завтра не вернуть, я тогда найду способ тебе и матери твоей жизнь качественно испортить. И завязывай ты с кражами, ведь попадешься рано или поздно. А лучше мозги свои направь на то, чтобы этим трем мерзавкам хитро отомстить. Напрягись уж.

– А что, тут есть над чем поразмыслить. – Вера с грустью смотрела на оторванный карман старенькой курточки.

На том и простились.

Лебедкин вошел в лабораторию и поежился.

Во-первых, здесь было холодно, как на Северном полюсе. Или даже на Южном – там, говорят, еще холоднее.

Во-вторых, капитана всегда пробирал озноб от стоящего здесь отвратительного запаха – смеси формалина, нашатыря и еще чего-то сладковатого, ужасно неприятного, чего-то, что капитан Лебедкин считал запахом смерти.

На двух металлических столах лежали накрытые простынями тела. В стороне, за рабочим столом, заставленным какими-то приборами и лабораторной посудой, сидел властитель этого царства смерти – судмедэксперт Гоша Копытин.

Гоша пристально смотрел в окуляр микроскопа, во рту у него дымилась неизбежная сигарета. Никто никогда не видел Копытина без сигареты в зубах, докурив одну, он тут же закуривал следующую. Лебедкин не сомневался, что эксперт так много курит, чтобы перебить отвратительный запах лаборатории.

– Привет, Копытин! – проговорил капитан, опасливо оглядываясь по сторонам.

– Привет! – отозвался эксперт, оторвавшись от микроскопа. – Что там у вас, наверху?

– Зима, – лаконично ответил Лебедкин.

– Это понятно. С новым начальником тяжело?

– Не спрашивай! – вздохнул Лебедкин. – Это что у тебя – та парочка из пансионата «Елочки»?

– «Сосенки», – поправил его Гоша. – Да, они...

– Ну, и что ты про них можешь сказать?

– Интересная история... – протянул Гоша, и глаза у него подозрительно заблестели.

Этот блеск определенно не понравился Лебедкину.

– Интересная? – переспросил он. – А я-то надеялся, что это банальный несчастный случай. Как говорят наши коллеги, дорожно-похоронное происшествие. Не справился мужик с управлением, занесло машину, сорвался в овраг – и два трупа... И начальник намекнул, чтобы поскорее с этим делом разобраться.

– На первый взгляд так... – Гоша встал, подошел к одному из столов, откинул простыню.

Лебедкин поморщился: на столе лежал обгорелый труп, рядом с ним – обугленные кусочки одежды. Запах смерти стал гораздо сильнее, так что у капитана запершило в горле. Он порадовался, что не успел пообедать.

– На первый взгляд так! – повторил Копытин, переходя ко второму столу и сдергивая простыню со второго трупа. – А вот на второй... тебя в этих трупаках ничего не удивляет?

– Ну, ты мне загадки-то не загадывай! Это ты у нас по трупам большой специалист, это ты ко всякому привык, а меня можешь не спрашивать... сам знаешь, я с трупами не очень люблю общаться, лучше сразу говори, в чем тут дело.

– А ты не замечаешь, Лебедкин, что они какие-то подозрительно спокойные?

– Что? – Лебедкин нервно засмеялся. – Спокойные? Ты шутишь, что ли? Они же обугленные, как печеная картошка! Где уж тут их эмоции разглядеть!

– На лицах эмоции не разглядишь, это ты прав, – согласился эксперт. – Но я вообще-то другое имею в виду. Эмоции – они не только на лице проявляются.

– А где же еще?

– Вот представь – сидишь ты, допустим, в машине, которая пробила ограждение, слетела с дороги и катится под откос... как ты себя будешь вести?

– Черт его знает... – Лебедкин пожал плечами. – Наверное, попытаюсь выскочить...

– Вот именно! Попытаешься выскочить, попытаешься дверцу открыть, хотя бы ремень безопасности отстегнешь... ну, хоть как-то постарайся защититься.

– А эти?

– А эти сидели спокойно, как в шезлонге у бассейна или в кино на пятом ряду, на вечернем сеансе, ремни не отстегнули, даже руками не размахивали! Такое впечатление, что они спокойно ждали, пока машина в валун впилится!

– Действительно, странно... – признал Лебедкин. – Так, может, они задремали... потому водитель и не справился с управлением, что в сон его склонило...

– Ну, ты сам-то в это веришь? – недовольно проворчал эксперт. – Для начала, они только что от своего домика отъехали... это если бы они несколько часов по трассе катили, водитель мог бы задремать, а тут он никак бы не успел.

– Ну, в принципе да... – протянул Лебедкин, – но все же как-то это неубедительно...

Он еще немножко подумал, наморщив лоб, а потом выдал следующую гипотезу:

– А может, они решили таким мудреным способом из жизни уйти? Вместе, как в Японии? У них там это принято. Даже фильм такой был – «Самоубийство влюбленных на каком-то острове». Или не фильм, а спектакль... ты не подумай, это у меня жена бывшая в театр ходила, иногда и меня вытаскивала...

– Ты, Лебедкин, как я погляжу, романтик! – констатировал эксперт. – Не знаю, как там, в Японии, не был, но у нас я про такие случаи не слышал. У нас если кончают с собой, то только в индивидуальном порядке. И больше по пьяни. И потом – даже если бы они и вправду договорились... вместе уйти, трудно поверить, чтобы ни у нее, ни у него в последний момент инстинкты не сработали. Когда увидели, что машина вот-вот в валун врежется – невольно бы задергались!

– Ну, опять же, это все как-то неубедительно, – не сдавался Лебедкин. – Это все психология какая-то...

На самом деле ему просто хотелось доказать эксперту, что они имеют дело с несчастным случаем или на худой конец самоубийством. Потому что в противном случае ему грозило еще одно унылое и безнадежное расследование.

– Психология? – переспросил Гоша. – Не знаю, что ты имеешь против психологии. Психология – это тоже наука. Но вот я тебе еще что-то покажу, и это уже не психология...

Он неспешно подошел к одному из покойников и поманил к себе Лебедкина:

– Глянь-ка сюда...

Одна нога трупа была босая, на второй был надет обгорелый, потерявший форму сапог. На пальцах босой ноги были видны остатки красного лака. Значит, это труп женщины. Рядом на столе лежал сапог с босой ноги.

– Ну, что там? – опасливо проговорил Лебедкин.

– Что ты видишь? – Эксперт поднял обгорелый сапог и продемонстрировал его Лебедкину.

– Сапог, – честно ответил капитан.

– Сам ты сапог, – раздался у него за спиной звучный, хорошо знакомый голос.

Лебедкин обернулся. Рядом с ним стояла Дуся, которая бесшумно появилась в лаборатории.

Вот странно, при своем внушительном весе Дуся умела, когда надо, ходить бесшумно.

В комнате сразу стало теплее и теснее.

– Дуся! Дуся пришла! – оживился Копытин. – О, у тебя прическа новая? Идет тебе очень!

– Это не сапоги, – проговорила Дуся, разглядывая обгорелую обувь, – это угги. Угги – это такие мягкие...

– Ну, не важно, как это называется, – перебил ее Копытин. – Сапоги, или угги, или даже бот-форты...

– Ну, какие же это ботфорты! – удивилась Дуся. – Никакие это не ботфорты!

– Да не перебивай ты меня! – возмутился эксперт. – Не в том дело, как они называются. Называй их как хочешь. Дело в том, что этот... сапог левый, а надет был на правую ногу! Вот ты, Петр, можешь надеть на левую ногу правый сапог?

– Он может, – заявила Дуся. – Он еще и не такое может. Один раз он... ну, не буду, не буду. Но ни одна женщина не наденет. Это я вам точно говорю. Хоть спросонья, хоть в спешке, хоть спяну, никогда в жизни женщина так не сделает.

– Ну как же, – возразил Лебедкин, – даже стихи такие есть, не помню чьи – «Я на левую ногу надела валенок с правой ноги...»

– Опять ты все перепутал! – оборвала его Дуся. – Там вовсе не про валенок, а про перчатку!

– Вот видишь! – победно воскликнул Копытин. – Дуся – она понимает! Она не даст соврать!

– Погоди-ка... – Дуся прошла вдоль обгорелого тела и остановилась. – А это что?

– Это? – Копытин подошел к ней, наклонился. – А, это лифчик... ну, или бюстгальтер, кому как больше нравится.

– Не в том дело, кому нравится. А в том, что он надет на левую сторону. Уж это точно ни одна женщина не перепутала бы. Да он бы просто не застегнулся.

– Что – правда на левую? – переспросил эксперт. – А я ведь и не заметил...

– Где уж тебе! – усмехнулась Дуся. – Одно слово – мужик! Видишь, вот тут швы? Это точно левая сторона.

– Что и требовалось доказать! – Копытин повернулся к Лебедкину. – Выходит, капитан, она не сама одевалась. Стопудово. Ее одевал кто-то другой...

- Причем наверняка мужчина, – добавила Дуся.
- Значит, не несчастный случай и не самоубийство... – тяжело вздохнул Лебедин. – Значит...
- Значит, убийство! – договорила за него напарница слово, которое ему не хотелось произносить.
- Вот везет нам с тобой, Дуся, как уопленникам! – сказал капитан Лебедин, тут же вспомнил про свою уопленницу и про ее настырную тетку и еще больше помрачнел.
- Значит, их убили раньше, а потом посадили в машину и инсценировали аварию... – обреченным голосом сказал он. – Только этого нам не хватало...
- Не торопись с выводами! – перебил его Копытин.
- Ну, что опять не так? – поскучнел Лебедин. – Я ведь с тобой согласился... чем ты на этот раз недоволен?
- Дело в том, что по многим признакам в момент аварии оба потерпевших были еще живы. Об этом говорит характер ран и травм, они не посмертные...
- Ну, не поймешь тебя! То ты говоришь, что эта парочка сидела как в кино, не металась и не сопротивлялась, значит, они были уже мертвые, а теперь говоришь, что они были живые...
- Знаешь, тут я и сам что-то не понимаю... – с явной неохотой признался эксперт.
- Здорово! – оживился Лебедин. – Надо это записать – Гоша Копытин чего-то не понимает!
- Оставь его, Петя, – Дуся решила разрядить ситуацию, – пойдем обедать, и я тебе интересную историю расскажу. Жизненную. Про парикмахерскую.
- И глаза ее при этом так блестели, что Гоша Копытин только крякнул им вслед.

На следующее утро капитан Лебедин сидел в кабинете именинником, у Дуси на столе в простом граненом стакане стояла красная роза. Увидев розу, Дуся все поняла правильно.

- Ну что?
- А что, звонит мне потерпевшая с самого утра, я еще и до работы не доехал, она тарактит в трубку, что в почтовый ящик ей подбросили кулон и деньги, двадцать тысяч. Ну, я тогда говорю, раз претензий не имеете, то заберите заявление, да поскорее. Чтобы нам, значит, статистику не портить. Обещала сегодня зайти. Замки, говорит, договорилась менять, мастера ждет. Так что как только – так сразу. Так что, Дуся, ты – золото, и мне с тобой повезло!
- Петя, – растрогалась Дуся, – спасибо тебе за добрые слова. Хоть и редко от тебя их дождешься...
- Так что, Дуся, если потерпевшая придет, ты уж тут с ней сама как-нибудь, а я в эти самые «Сосенки» поеду, убийство-то двойное на нас теперь висит...
- Ну ладно... – протянула покладистая Дуся, но капитан Лебедин уже исчез.
- И, как оказалось, очень вовремя, потому что тотчас постучалась в дверь кабинета та самая настырная тетка, чья племянница утонула прошлым летом, а она в это отказывалась верить.
- Капитана Лебединкина нет и до вечера точно не будет, – отчеканила Дуся.
- Получилось это у нее не очень строго. Тетка потопталась на пороге и ушла. Но что-то подсказывало Дусе, что недалеко.

Лица открыла железную калитку, запертую на кодовый замок, вошла во двор, свернула налево, под арку, к своему подъезду. Остановившись возле крыльца, полезла в карман за ключами.

И вместе с ключами нечаянно вытащила из кармана какую-то скомканную бумажку. Бумажку эту подхватил ветер, закрутил, понес по двору.

И тут Лица вспомнила, что это такое.

Выходя сегодня из дома, она открыла почтовый ящик и достала оттуда почтовое извещение. На ее фамилию пришла какая-то бандероль или посылка. Лика удивилась: никаких посылок или бандеролей она не ждала. Может быть, это ошибка? Но нет, там была написана ее фамилия, и этот адрес... Может, инициалы перепутали и бандероль пришла свекрови? Да запросто на почте могли...

Лика сунула извещение в карман и благополучно о нем забыла, и вот теперь...

Черт! Нужно его подобрать! Вдруг там что-то важное, а без извещения-то могут и не дать...

Лика бросилась вслед за злополучной бумажкой, пытаясь перехватить ее в полете.

Бумажка приземлилась. На этот раз она лежала на асфальте недалеко от подъезда, но когда Лика уже подошла и протянула за ней руку, бумажка вспорхнула, как живая, и снова закружилась в воздухе, как запоздалый осенний листок.

Издевается она, что ли...

Бумажка плавно опустилась в углу двора. Лика перебежала через двор, наклонилась... и снова в последний момент чертова бумажка взлетела, выскользнув буквально из Ликиных рук.

Похоже, что она играет с ней в кошки-мышки!

Лика уже готова была сдаться, плюнуть на дурацкую бумажку – в конце концов, ей уже надоели эти игры, – но потом подумала, что тогда так и не узнает, что за бандероль пришла на ее имя, и решила сделать последнюю попытку. Потому что если свекровь узнает, что бандероль ее, то убить не убьет, но жизнь качественно испортить может.

На этот раз непослушная бумажка приземлилась возле канализационной решетки. Черт, не хватало еще перепачкаться!

Лика подошла к бумажке, наклонилась – и наконец ухватила ее за уголок.

Ну, слава богу!

Она уже хотела выпрямиться, но вдруг краем глаза заметила, что в решетке люка что-то тускло блестит. Да бог с ним, наверняка какая-то ерунда, фольга от шоколадки...

Однако, приглядевшись внимательнее, Лика увидела, что это не фольга. В щели решетки застрял перстень.

«Ерунда, – подумала она, – наверняка дешевая бижутерия, копеечная поделка из тех, что продают на вещевых рынках».

Однако какая-то непреодолимая сила тянула ее к этому перстню. Вспомнилась вдруг детская присказка «Чья потеря – моя находка!» И как бабушка говорила, что никогда нельзя проходить мимо находки – хоть копеечка, а подобрать надо, а то мимо счастья своего пройдешь. Примета такая.

Лика усмехнулась и наклонилась ниже, протянула руку, осторожно потрогала перстень. Перстень прочно застрял в щели. Она подцепила его пальцем, потянула – и, с трудом вытащив из решетки, положила на раскрытую ладонь.

Перстень был тяжелый, из темного, тускло-золотистого металла. Золотой? Лика никогда прежде не видела золота такого оттенка. Перстень был массивный, судя по всему, мужской, с круглой печаткой. На этой печатке было изображено мужское лицо. Лицо пожилого мужчины... нет, не пожилого.

Это был мужчина без возраста, он казался одновременно и молодым, как утренняя заря, и старым, как мир. У него была остrokонечная, аккуратно расчесанная борода и узкие злые глаза... Лике показалось, что эти глаза заглянули прямо ей в душу. Она вздрогнула и едва не уронила перстень... но в последнее мгновение сжала руку. Да так сильно, что ладони стало больно.

Она оглянулась по сторонам.

Ей показалось, что она почувствовала чей-то пристальный, внимательный взгляд.

Во дворе никого не было, никто не видел, как она копается в решетке канализационного люка.

Впрочем, ей было все равно, хоть бы кто-то ее и увидел. Очень осторожно она разжала пальцы, чтобы рассмотреть свою находку. Перстень тускло блеснул, отражая свет фонаря над подъездом. Показалось ей или нет, что губы узкоглазого мужчины шевельнулись и сложились в сардоническую усмешку?

Она снова зажала перстень в кулаке. Откуда он тут взялся? Кто мог его потерять?

Но это уже не важно. Кто бы это ни был, перстень теперь ему не достанется. «Чья потеря – моя находка!»

Она не хотела, не могла с ним расстаться.

Этот перстень ждал здесь ее, только ее...

Вдруг Лике показалось, что двор уменьшается, что стены окружающих домов надвигаются на нее, стараясь поймать в ловушку и сдавить. Стало трудно дышать, лицо покрылось испариной, ноги как будто приросли к земле.

Наверху громко хлопнула рама окна, послышались звуки музыки. Детские неуверенные руки терзали фортепьяно. Неизбежное «На память Элизе».

Лика перевела дух. Наваждение прошло.

«Черт, что это со мной?» – подумала она, сунула перстень в карман, подошла к своему подъезду.

Здесь ей снова показалось, что кто-то смотрит ей в спину.

Лика обернулась. Во дворе никого не было, только какая-то большая черная птица сидела на ветке одинокого дерева. Ворона? Нет, вороны серые... может быть, ворон? Но у этой птицы был странный, крючковатый клюв. И эта странная птица смотрела на Лиду пристально, настороженно... видимо, это ее взгляд Лика почувствовала.

Она тряхнула головой, сбрасывая наваждение, и вошла в дверь.

– Дяденька. – Мальчик в собольей душегрейке поднимает голову от книги. – Дяденька, надоело! Расскажи лучше про Еруслана Лазаревича или про Бову-королевича!

– Негоже тебе, великому князю, пустыми байками развлекаться! – строго возражает пожилой сухопарый дьяк, дядька-воспитатель малолетнего государя. – Тебе надобно всем княжеством править, а для того много чего знать следует! Княжеская доля хоть и завидна, да не проста...

– А мне надоело! – Мальчик топнул ногой, недобро нахмурил брови. – Государь я или не государь?

– Государь, – склонился дьяк, глаза смиренно опустил. – Кто же с тобой спорит?

– А ежели я государь – так должно быть по моей воле! И воле моей нельзя перечить!

– Твоя правда, – вздыхает дядька.

– А если моя, так и должно быть по-моему! – снова топнул ногой и на лицо суровости напустил.

– Ну ладно, слушай... жил в некотором царстве, в некотором государстве...

– Не хочу слушать! – Мальчик снова топнул ногой. – Хочу в ту кладовую, куда меня дядя Михайло водил! В ту кладовую, где бабкино приданое!

– Не можно... – по привычке проговорил дьяк, но мальчик в гневе ударил его:

– Как это – не можно? Мне все можно! Я государь! Не смей мне перечить!

Склонился дьяк смиренно, руки на груди сложил:

– Коли такова твоя воля...

– Такова!

Ничего не поделаешь. Государь – он и есть государь, с ним не поспоришь. Повел дядька малолетнего государя в дальний конец дворца, где находились княжеские кладовые.

– Не сюда! – командовал Иван. – Вон в ту дверку! Туда меня дядя Михайло водил!
– Так то дядя ваш, не мне чета...

И правда, дядя великого князя Михаил Глинский, старший брат его матери Елены, был один из самых важных вельмож при московском дворе, член регентского совета при малолетнем государе, учрежденного покойным великим князем. Ему все можно, не то что худородному дядьке-воспитателю.

– Спорить со мной? – гаркнул на дядьку Иван. – Я велел туда! В эту кладовую!
– Так она заперта...
– А ты вели отпереть!

Дядька позвал старшего подьячего, который ведал кладовыми, тот кликнул ключника, и заветную дверку наконец открыли. Заодно подьячий пояснил, что в этой кладовой хранятся вещи, привезенные много лет назад бабкой великого князя, византийской принцессой Софией Палеолог.

К тому времени, когда царевну Софию просватали за тогдашнего великого князя Ивана Третьего, Константинополь уже пал под ударами турецкой армии, и вчерашняя византийская принцесса стала почти что бесприданницей.

Почти – потому что она принесла своему суженому громкое имя и старинный герб своей семьи – двуглавого орла, одна глава которого смотрит на запад, на просвещенные европейские державы, а другая – на восток, в бескрайние и неизвестные просторы Азии, откуда ползут на запад орды завоевателей.

А еще она привезла в Московию несколько возов древних рукописных книг – греческих и латинских писателей, арабских ученых, медиков и звездочетов, труды отцов церкви и многое другое. Огромная по тем временам библиотека.

Эти-то книги и занимали большую часть кладовой, куда привел дядька своего венценосного воспитанника.

Иван начал перебирать толстые тяжелые тома в дорогих переплетах тисненой кожи, пергаментные рукописи, написанные на неведомых ему языках. Загадочные письмены волновали его, заставляли чаще биться его сердце. Придет время – и он сможет их прочесть, впитать накопленную в них мудрость...

В самом дальнем углу, под стопкой тяжелых томов, Иван увидел шкатулку из дорогого ароматного дерева. Он потянулся за ней, несколько книг упали, одна зашибла ногу дядьке, но тот смолчал, никак не показал, что ему больно.

А Иван вертел в руках красивую шкатулку, разглядывал ее со всех сторон.

На первый взгляд у нее не было крышки, она казалась сплошной, из цельного куска драгоценного дерева вырезанной, только тонкая, нарядная резьба украшала стенки – сказочные цветы, удивительные птицы с женскими головами, с колдовскими завлекающими глазами – не иначе, рай Господень...

Иван крутил шкатулку так и этак и случайно нажал на головку одной из птиц.

И тут же боковая стенка шкатулки отскочила, открылась с мелодичным звуком.

Внутри шкатулки лежал перстень.

Большой, тяжелый, из тусклого темного металла. Темнее, чем золото на княжеских перстнях да ожерельях. Темнее, чем золото, – а красиво. По тусклой поверхности металла то и дело пробежали проблески, словно сполохи, отсветы далекой грозы. Невольно вспомнил Иван росписи из церкви, где стоял с дядей Михаилом заутреню. Там таким тусклым пламенем горели адские костры.

Печать была на перстне – с лицом страшного узкоглазого старика. Острый, пристальный взгляд был у того старика, острая борода, узкие змеиные глаза...

Присмотрелся Иван к тому старику – а ведь вовсе он не старик, а мужчина в самом цвету... а может, и юноша, немногим старше самого Ивана. И чем-то на него похожий.

Вгляделся еще пристальней – и понял, что сам на себя смотрит, самому себе в глаза глядит. Словно не печатка на перстне, а маленькое живое зеркало.

Примерил Иван перстень. Думал, что не подойдет – слишком большим он казался для маленькой детской руки. Однако перстень пришелся впору, словно нарочно для Ивана сделан.

Поднял Иван глаза, увидел, что дядька смотрит на него. На него и на перстень в его руке.

И тут страшная, небывалая ярость накатила на Ивана, аж в глазах у него потемнело.

Как этот смерд смеет глазеть на его перстень? Этот перстень его, только его!..

Вскочил Иван, выхватил из драгоценных ножен маленький детский кинжальчик, дяди Михаила подарок, набросился на дядьку и ткнул его кинжалом в живот.

Кинжальчик хоть и маленький, а острый, как бритва, кровь так и хлынула...

Той ночью приснился Ивану сон.

Будто снова идет он по дворцовым коридорам да переходам в то крыло, где царские кладовые, в то крыло, где бабкины книги хранятся. Только идет он один, без дьяка. Подходит к той же дверке, к какой днем подходил, да не знает, как ее открыть.

И вдруг дверка эта сама открывается, как будто кто-то приглашает его войти.

Входит Иван в кладовую, а там нет ни книг старинных, ни других сокровищ. Пуста кладовая, только стоит в дальнем ее конце большое зеркало, из тех, что привозят купцы из дальнего города Веденца, что во фрязинской земле, которую еще Италией называют. Из тех зеркал, в которые заглянешь, словно в сад весенний выглянешь, до того в них все чисто да красиво.

Прошел Иван через кладовую, подошел к тому чудному зеркалу, заглянул в него – и увидел в нем не себя, а какого-то злого старика в длинном черном кафтане, золоченой опояской опоясанном, в узорных сафьяновых сапогах.

Черная узкая борода у старика, узкие змеиные глаза, смотрят те глаза в самую душу...

Подумал Иван, что где-то того старика видел – и тут же вспомнил где: на том перстне, что нашел он в этой кладовой.

– Кто ты? – спросил Иван старика.

– ...ты... – словно эхо, ответило ему веденецкое зеркало, и легкая рябь по нему прошла.

– Ты! – ответил ему страшный старик и узкими губами улыбнулся. Словно не улыбнулся, а оскалился.

– Как – я? – переспросил Иван. – Не может такого быть... я – вот он я! – оглядел себя самого – тело юное, крепкое, лицо гладкое, целая жизнь впереди.

– Это снаружи ты такой, – отвечает ему старик, – а внутри – вот он ты: змеиные глаза, черное сердце. Ты – это я, и с каждым годом ты больше будешь на меня походить. Но не стыдись этого и не бойся, запомни: только то хорошо, что тебе на пользу, только то правильно, отчего твоя власть крепче становится. Другие люди ничего не значат, другие люди – только прах под твоими ногами. Иди по ним, яко по праху, яко по траве пожухлой. Иди – и придешь к славе своей, к своему величию. А я буду всегда рядом с тобой, всегда буду внутри тебя, чтобы направить в нужную сторону, чтобы подсказать, как тебе поступить. Слушайся меня – и все будет по твоему слову.

– А ты не обманешь?

– Как же я могу тебя обмануть, когда я – это и есть ты? Разве можешь ты самого себя обмануть?

И тут снова словно рябь пошла по зеркалу, и замутился лик черного старика, и исчез, а вместо него – молодой мужчина с разбитой в кровь головой... не понял Иван, кто это, не успел понять, потому что проснулся. В своей жарко натопленной спальне проснулся и первым делом проверил, что перстень у него на руке.

Капитан Лебедин увидел на обочине указатель «Пансионат "Сосенки"», сбросил скорость и свернул с шоссе. Проехав пару километров по приличной асфальтовой дороге, он увидел впереди двухэтажное кирпичное здание, перед которым было припарковано несколько машин. Поставив свою скромную машину рядом с остальными, вошел в холл и огляделся.

По стенам были развешены оставшиеся с Нового года украшения, тут же была афиша, приглашающая гостей пансионата на концерты и киносеансы. В углу стояла свежая, пахнущая хвоей елочка в золотых шарах, разноцветных фонариках и серебряных нитях мишуры.

В глубине холла за деревянной стойкой сидела женщина лет пятидесяти в розовом платье, обтягивающем внушительные формы. Она что-то писала, склонившись над стойкой. На носу у нее были очки в розовой, под цвет платья, оправе.

Лебедин подошел к стойке и деликатно кашлянул.

Женщина подняла на него подведенные глаза, поправила волосы и задала неожиданный вопрос:

– Извините, мужчина, вы чисто случайно столицу Малайзии не знаете?

– Нет, – удивленно ответил капитан, – столицу Турции знаю... а вам зачем?

– Кроссворд, – лаконично ответила дежурная и без всякого перехода спросила: – Вам двухместный?

– Что? – переспросил Лебедин.

– Номер. Вам двухместный или семейный?

– Ах, номер! Вообще-то мне номер не нужен.

– Как – не нужен? – Дежурная поправила очки и строго взглянула на Лебедина. – А тогда что вам нужно?

– Я вообще-то из полиции, – ответил капитан и предъявил свое удостоверение.

– Ах, из полиции... – Женщина поскутнела. – По поводу тех двоих, которые разбились...

– Именно! – подтвердил Лебедин. – По поводу Лютиковой и Михайлова.

– Так я вашим людям уже все рассказала.

– Ну, а теперь вы мне еще раз расскажете. Поскольку именно мне это дело поручили.

– Так что там рассказывать? Там и рассказывать нечего! Ясное дело – любовники!

– Любовники? – переспросил Лебедин. – Почему вы так в этом уверены?

– Мужчина! – Дежурная выразительно взглянула на капитана. – А кто же еще-то?

Лебедин не нашелся, что ответить, и дежурная продолжила уверенным, хорошо поставленным голосом:

– Вот вы сколько лет в полиции служите?

– Ох, и не спрашивайте! – вздохнул капитан.

– Вот и я в этом пансионате уже двадцать лет. Так что можете мне поверить. В людях я разбираюсь. Для начала – здесь в такое время только две категории отдыхающих: или родители с детьми, или вот как они – любовники.

Но которые с детьми, те поближе к административному корпусу селятся. Чтобы в столовую ближе ходить и на всякие концерты. Ну, и детская площадка, опять же. На площадку детей запустить и хоть немножко отдохнуть. А любовникам эта мура ни к чему, они подальше устраиваются, чтобы случайно знакомых не встретить. А они, те, которые разбились, в седьмом коттедже жили. Седьмой – он самый далекий, он прямо в лесу стоит. Так что однозначно – любовники.

Капитан Лебедин и сам прекрасно знал, что эти двое приехали в пансионат не отчет о проделанной работе составлять и не квартальный баланс подбивать, а спрашивал нарочно, чтобы разговорить администраторшу. Впрочем, эта дама и так поговорить любила, ей только нужно задавать наводящие вопросы.

– А давно они заселились? – спросил он.

– Так только за день до того, как разбиться.

– Вот как! – заинтересованно проговорил Лебедкин. – А тогда что же они так быстро сорвались?

– Вот чего не знаю – того не знаю! – отрезала дежурная, но тут же выдала гипотезу: – Может, ей муж позвонил, что раньше времени возвращается. Так что нужно срочно домой ехать.

– Муж? – переспросил Лебедкин. – Почему вы думаете, что она была замужем? По документам-то она незамужняя!

– По документам! – Дежурная усмехнулась. – Вроде вы, мужчина, в полиции служите, должны жизнь знать, а прямо как ребенок! Вот вы знаете, что у нас в стране замужних женщин на миллион больше, чем женатых мужчин?

– Как это? – опешил Лебедкин, на этот раз всерьез.

– А вот так... – вздохнула женщина. – Некоторые лет по двадцать вместе живут, детьми обзаводятся, а до ЗАГСа мужика так и не удалось довести. Женщина считает, что замужем, а мужик – нет... такая вот статистика.

Судя по выражению лица и взволнованному голосу, эта ситуация напрямую касалась собеседницу Лебедкина.

– Опять же, – продолжила она, – когда они оформлялись, мужчина ко мне с документами подошел, а женщина эта сюда даже не заглянула – снаружи его ждала. Понятно – не хотела ни с кем сталкиваться. Однозначно вам говорю – замужняя она была. Хоронилась и шифровалась почище Штирлица.

– С этим понятно! – проговорил капитан. – А теперь хорошо бы мне осмотреть тот коттедж, в котором они жили.

– Осмотреть? – Дежурная снова поправила очки. – А что его осматривать? Ваши там уже все осмотрели! После них какой интерес осматривать?

Лебедкин постарался сдержаться.

– Я же вам сказал – теперь это дело передали мне. И я хочу своими глазами все осмотреть.

– А чего там осматривать? – повторила дежурная. – Там после них все уже прибрали.

– Как – прибрали? Вас разве не предупредили, что там ничего нельзя трогать?

– Как это – не трогать? – заволновалась дежурная. – У нас порядок, как только гости съехали, сейчас же надо прибрать! Мало ли, кто захочет этот коттедж снять? Седьмой коттедж – он самый популярный, потому как на отшибе...

– Съехали! – передразнил ее капитан. – Они же не съехали, а погибли! И у них, наверное, коттедж был на несколько дней оплачен! Я ваши порядки знаю!

– Ну да, оплачен... – Дежурная заметно смутилась.

– Короче, я все равно хочу этот коттедж осмотреть! – строго проговорил Лебедкин.

– Ну, раз хотите – смотрите... – Дежурная повернулась и крикнула куда-то назад: – Муся, посиди на моем месте, мне нужно с мужчиной в седьмой номер сходить!

Позади стойки открылась неприметная дверь, оттуда вышла сухонькая старушка в поло-сатом пиджаке, быстро взглянула на Лебедкина и спросила дежурную:

– Гость?

– Полицейский! – ответил сам Лебедкин.

– Ах, полицейский! – Старушка утратила к нему интерес.

Дежурная накинула поверх розового платья розовый же пуховик, всунула ноги в короткие, тоже розовые сапожки и пошла к выходу, махнув рукой капитану:

– Пойдемте!

Вслед за дежурной капитан прошел по территории пансионата, они миновали несколько коттеджей и свернули на дорожку, петлявшую среди сосен, которые, очевидно, и дали название пансионату. Наконец, они подошли к стоявшему на отшибе коттеджу.

– Вот он – седьмой! – проговорила дежурная, как будто представляя Лебедкину своего давнего знакомого.

Дежурная открыла дверь коттеджа своим ключом.

Лебедкин вслед за ней вошел в прихожую.

Справа были две закрытые двери – судя по прикрепленным к ним фаянсовым фигуркам, ванная комната и туалет. Слева широкая арка выходила в гостиную – просторную комнату с камином. На полу гостиной был расстелен домотканый ковер.

Шторы в гостиной были задернуты, дежурная отдернула занавеску на одном окне, впус- тив в комнату тусклый зимний свет. Тут же лицо ее скривилось:

– Как прибрала-то плохо! Всюду пыль! Ну, молодежь! Ничего нельзя доверить!

– Это вы о ком? – спросил капитан, оглядывая комнату.

– Да здесь Лизавета прибиралась, Мусина внучка! Муся уж как меня просила ее при- строить, я поговорила с Семен Семенычем, нашим управляющим, он и взял ее на пробу... нет, ну ничего нельзя доверить! Ничего нельзя поручить! Везде пыль, грязь и даже диван толком не прибрала...

С этими словами дежурная подошла к дивану, поправила обитую искусственным мехом подушку.

Лебедкин заметил, как под подушкой что-то блеснуло, протянул руку, пошарил под ней и двумя пальцами вытащил мобильный телефон.

– Ох ты! – заинтересовалась дежурная. – Это чей же? Неужто тех... потерпевших?

– А может, это ваша Лизавета забыла?

– Нет, ее телефон я видела. Розовый такой и недорогой, а этот вон какой дорогущий! Откуда такой у Лизаветы? Наверное, это той женщины, что погибла...

– Это мы непременно выясним... – Лебедкин попытался включить найденный телефон, но он не подавал никаких признаков жизни – видимо, разрядился.

– Ладно, ребята в техотделе разберутся... – С этими словами он положил телефон в пла- стиковый пакет.

– Это как же она торопилась, если такой телефон забыла? – проговорила дежурная, про- вожая аппарат завистливым взглядом. – Хорошо, Лизавета его не заметила, а то прибрала бы, и фиг потом у нее получишь... эта молодежь...

В комнате все же было темновато, и дежурная отдернула шторы на втором окне. Тут же ее лицо перекошилось:

– Ну, Лизавета! Ну, лентяйка! Тут вообще не подмела!

Она оглянулась в поисках метелки.

– Постойте! – остановил ее Лебедкин.

Подойдя к окну, он наклонился и увидел отпечатавшийся на зеленом ковровом покрытии след. Точнее, часть следа остроносого мужского ботинка.

– Ну, лентяйка! – повторила женщина.

– Это хорошо, что она тут не подмела, – возразил Лебедкин.

Он достал свой мобильный телефон, наклонился и сфотографировал отпечаток. Носок ботинка был направлен в сторону комнаты. А это значит...

Додумать эту мысль капитан не успел, его снова отвлекла дежурная, которая возмущенно воскликнула:

– Нет, ну это уже переходит всякие границы! Она даже мешок с мусором не вынесла! Нет, я сегодня же поговорю с Мусей! Или пускай Лизавета изменит отношение к работе, или мы ее выгоним! Такое терпеть нельзя!

Женщина брезгливо держала в руках битком набитый мешок для мусора. Она понесла его к выходу, но Лебедкин коршуном бросился к ней и выхватил мешок:

– Стойте! Здесь могут быть улики!

– Ули-ики? – протянула дежурная, вытирая руки носовым платком. – Так что же, вы теперь будете в этом мусоре копаться? Ну, у вас и работа! Врагу не пожелаешь!

На обратной дороге в город Лебедкин обдумывал результаты сегодняшней поездки.

Да, дело действительно мутное. Сейчас, после осмотра коттеджа, капитан окончательно не поверил в версию несчастного случая. То есть если послушать Копытина, то и раньше было ясно, в деле имеет место злой умысел. Но улики-то у Копытина больно несерьезные. Сапог с левой ноги на правой, ну как такое начальству предъявить? А про бюстгальтер вообще только женщина поймет.

А теперь есть у него что-то конкретное. С чего бы любовники, только-только заселившись в уединенный коттедж, внезапно сорвались и поехали обратно в город? Да так спешили, что забыли даже мобильный телефон?

Допустим, кто-то позвонил им и сообщил какую-то важную новость. Но тогда тем более они не могли оставить в коттедже мобильный телефон – ведь именно звонок по этому телефону заставил их сорваться с места...

Тут он вспомнил отчетливый отпечаток мужского ботинка на ковре возле окна.

Допустим, этот отпечаток оставил тот мужчина, который снял коттедж... как его... Михайлов. Надо будет сличить отпечаток с его ботинками, найденными на месте аварии.

И тут капитан вспомнил ту мысль, которая пришла ему в голову там, возле окна в коттедже.

Допустим, Михайлов оставил этот след, подойдя к окну, чтобы выглянуть на улицу. Но тогда носок ботинка должен быть направлен к окну. А тот отпечаток ботинка определенно был направлен от окна, в сторону комнаты. Это значит, что мужчина, оставивший этот след, стоял за шторой, глядя в комнату. То есть, спрятавшись за шторой, он наблюдал за постояльцами...

Значит, это был вовсе не Михайлов! В коттедже был кто-то еще, кто-то третий.

Значит, это был однозначно не несчастный случай и даже не самоубийство.

Это было убийство. И Копытин все правильно говорил. Он в своем деле разбирается, знающий мужик, хоть и вредный.

В дверь кабинета постучали, и на пороге появилась женщина, которой было уж не меньше сорока, но прилагающая титанические усилия, чтобы выглядеть на тридцать.

Дуся тут же увидела, что усилия эти, несмотря ни на что, не увенчались успехом. По обильно и неумело наложенному макияжу и сильному запаху духов Дуся догадалась, что дама явилась по поводу кражи. Петька на духи жаловался, и правда, дышать в кабинете стало невозможно.

– Вы... – Дуся поискала на столе Лебедкина папку с делом. Петя, как всегда, зарыл папку в самый низ.

– А я Прохорчук! – заговорила потерпевшая. – Прохорчук И. Л. Я по поводу кражи, чтобы заявление забрать!

– Ну да... – Дуся наконец нашла нужную папку. – Вот она... Прохорчук... Ин...

– Инесса, – тяжело вздохнула ее собеседница. – Вы не ошиблись. Инесса Лукинична.

«Офигеть!» – подумала Дуся, стараясь, чтобы на лице ничего не отразилось.

– Родители удружили, – снова вздохнула потерпевшая, заметив ее взгляд, – мало того, что отчество такое, так они еще и имечко выбрали. Вот о чем они думали?

– Присаживайтесь, – улыбнулась Дуся удовлетворенно, уже предвидя результат предстоящего разговора. – Ну, все у вас в порядке? Ситуация разрешилась?

– Да, представляете, вчера сунулась в почтовый ящик, а там все лежит в пакете бумажном из «Макдоналдса»! Знала бы, что вернут, – вообще к вам не обращалась бы! Ой, простите...

– Да ничего...

Очевидно, потерпевшая что-то почувствовала, потому что посмотрела на Дусю вопросительно.

– Понимаете, – начала Дуся, – иногда лучше дело не заводить. Начнутся бумажки разные, экспертизы, а главное – вещи вам не отдадут, пока дело не закончится. Раз уж все вернули...

– Да я понимаю, понимаю! – заторопилась Прохорчук. – Странно, конечно, что все так получилось... Но вы же не думаете, что я сама все это сочинила, зачем мне это нужно?

Дуся вовсе так не думала, она-то, конечно, знала, в чем тут дело, и сама приложила руку к благополучному исходу. Но рассказывать потерпевшей не собиралась. Ни к чему это. Они с Верой заключили соглашение, та его выполнила, а этой Инессе болтать нужно меньше и за вещами своими следить.

– Вот, подпишите здесь и здесь, – сказала она, – и... вы уверены, что больше ничего у вас не пропало?

– Да... конечно, кулон и деньги, а что еще-то?

Дуся была женщина наблюдательная, она уловила крошечную заминку в ответе потерпевшей.

И тут же перед глазами встала вчерашняя сцена, когда толстая девица с жирными патлами со всего размаху наступила на маленькую шкатулку или коробочку, а потом другая, похожая на ворону, перебросила обломки через забор.

Зря не спросила она тогда ничего у Веры. Хотя хитрая девчонка ни за что не призналась бы.

– Ну, хорошо, вот ваш пропуск, – улыбнулась Дуся, – всего вам хорошего, и давайте больше не встречаться.

– Да уж, век бы здесь не бывать! Ой, простите! – И потерпевшая, смущенно потупившись, вышла из кабинета, а Дуся убрала ненужную больше папку в ящик стола. Вечно Петька все разбрасывает, никакого порядка с ним...

Инесса Прохорчук вышла из отделения полиции и глубоко вдохнула холодный воздух. Слава тебе, Господи, все позади. Она осталась при своих, и не нужно ходить больше в полицию. И забыть поскорее эту историю. Новые замки мастер сегодня вставил, ключи никому не давать, даже сестре. И права та толстая полицейская – осторожнее надо быть, сумку вообще из рук нигде и никогда не выпускать.

Как жалко было бы того кулона, он ей так нравился. Как увидела его в той лавочке – так и на цену не посмотрела, поняла, что ее вещь. Камень синий-синий, такой красивый! Примерила – и поняла, что не сможет не купить. А что, нужно же хоть как-то себя баловать! Кроме себя самой, больше никто не побалует.

От этой мысли привычно защемило сердце. Еще несколько дней назад думала она, что есть у нее человек, с которым она будет счастлива. Вроде бы серьезные у него были намерения, во всяком случае, ей, Инессе, так казалось.

Да ладно, придумала она себе все, хотела верить, а Володечка этот так только время с ней проводил, от нечего делать. Ел-пил за ее счет, обихаживала она его, а у него, подлеца, оказалось таких как она, дур последних, трое. И каждая считала, что он ее замуж возьмет. Нет, ну какие же мужики все сволочи!

Инесса-то ни сном, ни духом, та, другая баба, их где-то видела. Выследила, да и устроила скандал прямо на улице. Хорошо хоть не дома, а то от соседей сраму не оберешься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.